

От редакции

Данной статьей мы открываем серию публикаций к 100-летию образования Союза Советских Социалистических Республик. Эта дата – 22 декабря 1922 года. В декабрьском номере нашего журнала мы хотим более детально обратиться к анализу советской действительности. Приглашаем авторов к публикации по данной теме.

УДК 11:94(47+57)

doi:10.35853/vestnik.gu.2022.3(38).10

Метафизика Оттепели: от тоталитаризма к коммунизму

Владимир Анатольевич Лоскутов

Екатеринбург, Россия, rectoruapa@me.com

Аннотация. В статье предпринята попытка метафизической реконструкции Оттепели в качестве закономерного, следующего за возникновением и становлением этапа самоопределения советской истории, – попытка объяснения ее исторического бытия как начала развития советской истории. Делается вывод о том, что в это время советская история возобновляет свою историю – способность быть, делает ее собственной историей и ничтожит произведенную самость. Доказывается, что в процессе ее историоризации (самоидентификации) тоталитаризм как сущность советской истории, будучи особым способом совпадения самодеятельности власти и социалистического строительства, обретает собственное бытие и становится основоустройством ее бытийствования. Он экзистенцирует и в разных формах конституирует целостность ее бытия-в-мире, при этом обнаруживая в ней нехватку, недостаток бытия и небытие. С помощью самодеятельности власти и социалистического строительства он производит декомпрессию полного, сплошного, позитивного бытия советской истории. Избавляет его от различного рода сокрытий (потаенности, затемнений, искажений). Представляет «разжатое» бытие как кажимость, видимость и интенции. Избирает выбор, выбирает и, наконец, в бескомпромиссной борьбе с инакомыслием выбирает выбор в качестве способа ничтожения своей самости. В статье подробно рассматривается то, каким образом во время Оттепели посредством раскрытия, переоткрытия и новооткрытия советской истории тоталитаризм, в том числе и в форме сталинизма, ставшего из «метафизического коэффициента» (Сартр) ее историчности способом самостояния его самости, возвышает советскую историю до крайней возможности бытия – до коммунизма и «бытия к смерти».

Ключевые слова: самодеятельность, советская история, Оттепель, тоталитаризм, сущность, бытие, развитие, власть, социалистическое строительство, сталинизм, коммунизм, Хайдеггер, Сартр

Для цитирования: Лоскутов В. А. Метафизика Оттепели: от тоталитаризма к коммунизму // Вестник Гуманитарного университета. – 2022. – № 3 (38). – С. 111–122. – DOI 10.35853/vestnik.gu.2022.3(38).10.

The Metaphysics of the Thaw: From Totalitarianism to Communism

Vladimir A. Loskutov

Yekaterinburg, Russia, rectoruapa@me.com

Abstract. In the article, the author makes an attempt of metaphysical reconstruction of the Thaw as a natural one following the emergence and formation of the stage of self-determination

© Лоскутов В. А., 2022

of Soviet history - an attempt to explain its historical existence as the beginning of the development of Soviet history. The author concludes that at this time Soviet history resumes its history as the ability to be, makes it its own history and annihilates the produced selfhood. The paper proves that in the process of its historicization (self-identification), totalitarianism as the essence of Soviet history, being a special way of the coincidence of the self-activity of power and socialist construction, acquires its own being and becomes the foundation of its beingness. It exists and in various forms constitutes the integrity of its being-in-the-world, while revealing in it a scarcity, a lack of being and non-being. With the help of such existential structures as the initiative of the authorities and socialist construction, totalitarianism decompresses the existence of Soviet history as complete, continuous and positive. It relieves it of various kinds of concealments (covetousness, obscurations, and distortions). It represents "unclenched" being as simulacrum, semblance and intentions. It selects a choice, chooses and, finally, in an uncompromising struggle against dissent, chooses choice as a way of annihilating its self. The article examines in detail how, during the Thaw, through the disclosure, rediscovery of Soviet history and its newfound version, totalitarianism, including in the form of Stalinism, which has become from the "metaphysical coefficient" (Sartre) of its historicity, a mode of independent selfhood, elevates Soviet history to its extreme possibility being - to communism and "being to death".

Keywords: the initiative, Soviet history, the Thaw, totalitarianism, essence, being, development, the authorities, socialist construction, Stalinism, communism, Heidegger, Sartre

Во времена Оттепели советская история – а именно она в настоящем исследовании является основным предметом изучения – претерпела целый ряд кардинальных изменений, метафизическое содержание которых может быть раскрыто в виде системы глубоко и сущностно взаимосвязанных способов интерпретации ее «собственного исторического сущего на его историчность» [5] – ее интерпретации как бытия самости, способности быть и развиваться. Их исторический смысл раскрывается в виде системы глубоко и сущностно взаимосвязанных образов ее исторического самоопределения. Во-первых, в это время советская история возвращает себе утерянную на этапе своего становления историю [2], что позволяет ей не только существовать, но и бытийствовать, то есть, став на позицию вновь обретенной истории, вопрошать себя о своей способности быть целостным историческим миром, рефлексировать по этому поводу и ничтожить свою самость. Во-вторых, в условиях Оттепели советская история с помощью различных способов бытийствования (субстанция, субъект, свобода) конституирует и раскрывает не просто свое бытие, но специфическое бытие своего сущего. В-третьих, это было время таких изменений целостной советской истории, которые особым образом снимают противоречия ее возникновения и становления, превращают их синтез в источник (начало) ее развития. В-четвертых, Оттепель разрешает противоречие между наличным бытием советской истории и ее бытием в «граничной ситуации» (Хайдеггер) начала развития путем выявления особого способа бытийствования и декомпрессии «конечной возможности» (Хайдеггер) своего бытия. В-пятых, используя его в качестве способа проектирования своего собственного исторического бытия, Оттепель создает общий набросок лишнего каких-либо сокрытий, «засоров» (Хайдеггер), искажений исторического мира советской истории.

Для того чтобы раскрыть и в полной мере представить историчность сущего советской истории, расширить метафизические горизонты ее прошлого, настоящего и будущего, в том числе концептуально осмыслить то, что произошло во время Оттепели со способами ее бытийствования, следует максимально полно и методологически выверенно использовать соответствующий потенциал «инструментального комплекса» (Сартр) метафизики, что само по себе является абсолютно нетривиальной задачей. В данной статье мы попытались ее решить и соответствующим образом оформить полученный результат в виде относительно завершенной программы

метафизической реконструкции данного исторического феномена. Ее концептуальный и методологический потенциал, как нам это представляется, может быть использован для проверки сущего на его историчность при реконструкции истории всякого исторического бытия, процесса, мира. Что, в свою очередь, может помочь уточнить смысл и границы философского постижения многих еще не разгаданных и не раскрытых тайн исторического бытия человека, в том числе и тайн советской истории.

Об Оттепели как особом историческом феномене написано достаточно много, и в основном, что естественно, историками. Для метафизики он является абсолютно белым пятном. Что в какой-то степени освобождает нас от необходимости специально проводить соответствующую историографическую и библиографическую работу по данной теме. Достаточно будет сказать, что при ее изучении мы опирались на многочисленные современные российские и зарубежные исторические исследования, а также на соответствующий опыт метафизической реконструкции бытия и сущего Гегеля, Хайдеггера, Сартра.

Сущность советской истории и Оттепель как предмет метафизической реконструкции

Советская история *возникает* как вполне содержательный и глубоко сущностный ответ всемирной истории на ключевой вопрос пришедшей на смену эпохе Просвещения Революционной эпохи [3] – вопрос о возможности и необходимости превращения исторической самодеятельности человека в ведущую противоположность ее противоречивого единства с деятельностью. Отвечает на него она единственно возможным способом – посредством революции, преобразовавшей единство деятельности и самодеятельности в предмет исторической самодеятельности.

В процессе *становления* советской истории революция обращается в способ ее бытийствования, открывающий в себе не только «абсолютную форму» (Гегель) (диктатура пролетариата) и «абсолютное содержание» (Гегель) (строительство социализма) своего исторического бытия, но и полагающий их бытийное тождество как «абсолютную мощь» (Гегель) исторической самодеятельности. Когда «тождество абсолютного есть абсолютное тождество» [1] моментов абсолютной мощи революции, она обращается в то, что Л. Д. Троцкий назвал «преданной революцией», а И. В. Сталин – триумфом Великой Октябрьской социалистической революции. Во время становления она из диктатуры пролетариата как «абсолютной формы» исторической самодеятельности превращается в *самодеятельность власти*. А ее «абсолютное содержание» – строительство социализма преобразуется в *социалистическое строительство*. В результате такого рода трансформаций революции советская история обретает «абсолютную мощь» в форме *тоталитаризма* – абсолютного тождества самодеятельности власти и социалистического строительства.

Советская история имеет свою историю. В процессе возникновения она оказывается абсолютно тождественна ей. На этапе становления ее история исчезает, проваливается в своеобразную «дыру бытия» (Сартр) строительства социализма и растворяется в ней. По мере того, как во время Оттепели советская история начинает *развиваться*, появляется начало ее развития, происходит не только возобновление, но и трансформация восставшей из небытия истории в способ бытия сущего советской истории, в результате чего тоталитаризм из способа бытийствования становится основанием ее бытия как ничто.

Если «для самого бытийного вопроса должна быть достигнута прозрачность своей ему истории, то требуется расшатывание окостеневшей традиции и отслоение наращенных ею сокрытий» [5]. Что и происходит с советской историей во время Оттепели, когда ее *история* возобновляется и расшатывает собственные око-

стеневшие основания. Путем прохождения «сквозь господствующие сокрытия» [5] конституирует свою способность быть ее экзистенциалом. И, наконец, с помощью таких модуляций, как «раскрытие», «переоткрытие», «новооткрытие» (Хайдеггер) собственного бытия, ничтожит саму себя и свою способность быть бытием сущего советской истории. В этом процессе она «отслаивает» (Хайдеггер) все те сокрытия, которые мешают ей стать началом развития самой себя – стать бытием для-себя, а ее сущему обрести собственное бытие и сделать его основанием своего целостного бытия-в-мире.

Скрытость истории как феномена может проявляться по-разному. Хайдеггер считал, что «во-первых, феномен может быть скрыт в том смысле, что он вообще еще не открыт» [5]. Кроме этого, он может быть «засорен», то есть находиться в таком состоянии, когда «он был некогда прежде раскрыт, однако подпал снова сокрытию» [Там же]. В случае постоянно возникающих и возобновляемых засоров, у него остается «сколько видимости, столько “бытия”» [Там же], и, наоборот, сокрытие-видимость искажает существование феномена. Искажение, по мнению Хайдеггера, является наиболее часто встречающимся и опаснейшим проявлением скрытности, ибо «здесь возможности обмана и дезориентации особенно упорны» [Там же].

Для каждого вида сокрытий (потаенного, засоренного, искаженного) существует свой особенный способ прохождения сквозь них. С помощью «отвода сокрытий» (Хайдеггер) «сущее вырывают у потаенности» [5], в результате чего оно раскрывает свое бытие. Расчистка от затемнений и засоренности, «какими присутствие запирается от самого себя» [Там же], позволяет переоткрыть его бытие и сущее. Взлом искажений потаенного и засоренного существования бытия дает возможность произвести «новооткрытие» [Там же] его сущего.

Оттепель раскрывает «потаенное» бытие сущего советской истории, позволяя ему «казать себя» (*кажимость*) и показывать, насколько «бытие изолированно в своем бытии» [4]. Она переоткрывает его, очищая от множества засоров и затемнений, что дает ей возможность обнаружить свою *видимость*, то есть то, насколько бытие «требует бытия» [Там же] и полагает «бытие повсюду» [Там же]. В процессе новооткрытия она исправляет в себе допущенные искажения и реализуется в виде различного рода *интенций*, раскрывающих «синтез себя с собой» [Там же].

В результате прохождения сквозь эти сокрытия Оттепель предстает перед советской историей как такое «сотворенное бытие» (Сартр), которое «возобновляет себя, отрывается от создателя, чтобы тотчас замкнуться в себе и взять на себя свое бытие» [4]. И она берет его на себя путем «экзистентного избрания выбора быть самим собой» [5], посредством возобновления себя в форме выбора того, что берет «себя в своей истории на себя» [Там же], и, наконец, выбирая «освобожденность для свободы избрания и выбора себя самого» [Там же].

Избирая выбор, советская история путем «отталкивания» (Хайдеггер) от собственной истории раскрывает свое «бытие-для-обнаружения» (Хайдеггер). Выбирая в процессе «падения» (Хайдеггер) в нее себя, она переоткрывает «бытие само по себе» [4]. В модусе «бегства» (Хайдеггер) от возобновленной истории, в процессе выбора самой себя советская история новооткрывает бытие своего сущего как «себя-по-себе-кажущее» [5] бытие.

«Раскрытие» советской истории как способ «вихрения» ее истории

Оттепель – это особая историческая инсценировка советской истории как «всеобладания» (Хайдеггер) власти и «вседостижений» (Хайдеггер) социализма. В это время, в процессе своего раскрытия и отвода сокрытий, история отрывается от собственного бытия и срывается в бытие несобственное. Ее провал в бездну своей

истории был своеобразным «вихрением» (Хайдеггер) судьбы – «особой *сверхвласти* своей конечной свободы» [5], которую Сталин называл «ленинским планом построения социализма в отдельно взятой стране». Раскрывая сверхвласть конечной свободы, советская история не просто свое «сущее вырывает у потаенности» [5], но это сущее само вырывает себя из потаенности самого себя. Посредством его раскрытия она пытается ликвидировать *нехватку* бытия и свое незавершенное, неполное бытие превратить в полное. Неполным является то «бытие, которого не хватает» [4], которому не хватает «быть в себе». Оно всегда находится «впереди, позади себя, но никогда собой» [Там же]. Поскольку ее бытию «не хватает совпадения с собой, чтобы быть тем, чем оно является» [Там же], она возвращается к своему началу – к революции как абсолютному тождеству советской истории и ее истории. Там она находит то, что сделало ее неполным бытием и что потенциально способно обеспечить необходимую «плоть полноты» (Сартр) ее исторического бытия. Это было своеобразное «бегство к своему бытию, то есть к себе, которым оно будет посредством совпадения с тем, чего ему не хватает» [Там же]. В процессе и результате бегства к нему советская история раскрыла и поняла себя как превращенную форму мировой революции – способ создания мировой системы социализма.

Если бы историческому бытию советской истории «всего хватало, оно опустилось бы в бытие и потеряло бы присутствие к бытию» [4]. Для того чтобы не потерять его, оно вынуждено было попытаться посредством своей истории вернуть себя не только к своему началу, но и к тому процессу, в котором «конституируется гамма потенциальности, идущая от постоянства к возможностям» [Там же].

Эти возможности открылись советской истории тогда, когда самодеятельность власти и социалистическое строительство как «основоустройства» (Хайдеггер) тоталитаризма *обернулись на самих себя*. Когда они посредством бегства от себя отслоили те сокрытия, которые мешали им быть для себя. Произошедший во время Оттепели отвод сокрытий социалистического строительства позволил ему увидеть в себе свое потаенное – прерванное войной строительство социализма. И не только увидеть, но и возобновить его путем трансцендирования «Другого к своим собственным целям» [5] – путем вовлечения стран народной демократии в строительство мировой системы социализма. В результате отсложения сокрытий от бытия самодеятельности власти оно открылось для себя как «проект отождествления для-себя с отсутствующим для-себя которым оно является и которого ему не хватает» [4]. Во время Оттепели власть открыла в собственном бытии то, чего ей как самодеятельности не хватало – открыла в себе свободу по отношению к самой себе. Открыла ее в себе в виде особой формы борьбы за власть.

Когда самодеятельная власть и социалистическое строительство погружаются в себя в поисках себя, между ними возникает некий исторический зазор, своеобразная «трещина бытия» (Сартр), в которой способность советской истории быть превращается в действительность, становится тем «вот», который может лишь себя «казать».

На заре Оттепели советская история казала себя в виде совокупности различных ситуаций своей восставшей из небытия истории. Каждая из них демонстрировала ее способность быть «присутствующей целостностью» (Сартр) – быть целостной системой социализма еще до того, как она была построена. Ее еще нет, но она уже существенно корректирует строительство социализма в 1953 году в Германии и Венгрии, объединяет свои еще не достроенные части в рамках Варшавского договора (1955 г.).

После смерти Сталина, в результате отвода сокрытий от самодеятельности власти, произошла частичная реструктуризация «ленинского штаба» и возобновилась аппаратная самодеятельность ее передовых отрядов (государственного, партийного,

силового). Между ними развернулась борьба не столько за сталинское наследие, сколько за возможность быть в рамках тоталитаризма относительно независимой самодеятельной исторической силой. Она привела к политическому и физическому устранению Берии, трансформации внешней политики Сталина – Молотова в отношении Югославии и Австрии, появлению и разрешению «организационного вопроса» о Маленкове. В каждой из вышеназванных исторических ситуаций советская история «казала» свою способность быть тем, чем она была до этого, – быть тоталитаризмом.

Смерть Сталина вернула самодеятельности власти важнейшее качество ее бытия – свободу. Только если раньше эта свобода была направлена в основном вовне – в мир развернутого социалистического строительства, то теперь она стала способом саморефлексии власти. Это была очень ограниченная, аппаратная свобода – свобода борьбы за власть. Но даже такой, заведомо слабый «зов бытия» советской истории откликнулся своеобразным эхом в ней самой в виде первой, недолгой общественной и духовной «оттепели». В виде ее «кажимости»: «ворошиловско-бериевской» амнистии, неспешной, выборочной, негласной политической реабилитации и борьбы за нее; возвращения отвергнутых литераторов (М. Зощенко), борьбы между сторонниками «коммунистической идейности» и сторонниками «искренности в литературе» (В. М. Померанцев).

На заре Оттепели советская история почувствовала свою историю как свое «вот», замкнула процесс своего «размыкания» (Хайдеггер) и раскрытия не просто в различных ситуативных формах ее кажимости, а посредством *избрания выбора* – путем возобновления того исторического выбора, который она сделала в процессе возникновения и становления. При этом она фактически отказалась от пересмотра, ревизии своего исторического пути и того плана, по которому он осуществлялся. На XIX съезде, теперь уже партии не большевиков, а КПСС она подтвердила сделанный Лениным – Сталиным выбор тоталитаризма в качестве сущности своего исторического бытия.

«Переоткрытие» советской истории – «индивидуальное приключение» сталинизма

В бытии советской истории всегда «чего-то недоставало» (Сартр), что мешало ему стать «сплошным бытием» (Сартр). О том, что она «недостающее бытие» (Сартр), ей постоянно напоминала ее сущность, которая не имела собственного бытия и раскрывала себя лишь как существующее «вот». В процессе переоткрытия советской истории во время Оттепели ее сущность (тоталитаризм) пыталась с помощью формы своего осуществления (сталинизм) превратить недостающее бытие в связанное и непрерывное. Не возобновить историю советской истории, но путем очистки от засоров и затемнений *сделать* ее из своего собственного исторического бытия.

Всякий «недостаток предполагает тройственность: то, чего недостает, или недостающее, то, кому недостает того, чего недостает, или существующее, и целостность, которая распалась посредством недостатка и которая будет восстановлена посредством синтеза недостающего и существующего» [4]. То, чего недоставало советской истории, во время Оттепели проявлялось как «постоянное отсутствие для-себя в самом себе по способу тождества» [Там же]. Для того чтобы стать целостной, ей недоставало самой малости – конца строительства социализма. Советская история, будучи «кто», которому недостает того, чего недостает, обнаруживало себя в виде «собственного ничто» [Там же] – в виде созидającego самого себя тоталитаризма. «Синтетическое присоединение» (Сартр) недостающего (социализма) к существующему (тоталитаризму) было опосредовано «индивидуальным приключе-

чением» (Сартр) сталинизма, в рамках которого он из «метафизического коэффициента» (Сартр) историчности советской истории превратился в ее экзистенциал, который, в конечном итоге, отлил «в бронзу бытия» (Сартр) полную и окончательную победу тоталитаризма над социализмом.

Сталинизм переоткрывал советскую историю особым образом. Он инициировал и направлял раскрытие «основоустройств» (Хайдеггер) тоталитаризма как способ его *бытийствования на самих себя, но в поисках не себя, а своего другого*. В этом процессе самодетельная власть искала и находила в самой себе в качестве своего другого такие формы социалистического строительства, которые могли бы обеспечить не только окончательную, но и полную победу социализма. Она присваивала эти формы (новая аграрная политика, освоение целинных земель, социалистическое соревнование) и с их помощью, посредством повышения темпов промышленного и сельскохозяйственного производства, пыталась ликвидировать важнейший недостаток «вихрения» социализма – низкий уровень жизни населения. В это же самое время сталинизм ищет и находит, переоткрывает в социалистическом строительстве те самодетельные формы власти, которые могли бы позволить ей окончательно и бесповоротно завершить строительство социализма. В исторической литературе их традиционно называют «реформами Хрущева»: ликвидация отраслевых министерств, создание экономических зон и совнархозов, децентрализация управления и укрупнение субъектов экономической деятельности, реструктуризация политического управления и партийного руководства, усиление роли партийного аппарата в системе экономического и государственного строительства, разделение партийных организаций на промышленные и сельскохозяйственные, изменение функций и роли партийных структур в МВД и армии.

Будучи экзистенциалом советской истории, формой осуществления ее сущности, сталинизм в процессе своего «индивидуального приключения» должен был превратить строительство социализма в «сплошное бытие» и обеспечить синтез его недостающего и существующего – обеспечить полную и окончательную победу социализма. Необходимым условием осуществления исторической миссии сталинизма была очистка его самого и того, формой осуществления чего он был, от засоров и затемнений, что и было сделано, с одной стороны, путем разоблачения культа личности Сталина, с другой стороны, посредством «реформирования» самодетельности власти и социалистического строительства. Очищенный от сокрытий и очищающий от затемнений советскую историю сталинизм обеспечил превращение строительства социализма, с одной стороны, в рефлексию и самоопределение тоталитаризма – в создание «собственной видимости сущности» [1], с другой стороны, в «свечение сущности видимостью» [Там же] – полную и окончательную победу социализма.

Сталинизм стал рефлексией тоталитаризма, превратился из коэффициента историчности советской истории в экзистенциал, то есть стал его «бытийным устройством» (Хайдеггер), особым способом синтеза «основоустройств» тоталитаризма в процессе «делания» [5] истории советской истории – в процессе выбора ею своего исторического пути. При переоткрытии советской истории выбор не возобновлял, но «делал» историю собственной способностью быть. Обнажал ее бытие к этой способности и раскрывал его как борьбу за вновь открываемые возможности бытийствования. С помощью выбора тоталитаризмом сталинизма в качестве формы своего осуществления и самообоснования Оттепель обеспечила «прибытие сущности к себе» [1], «свечение сущности в себе самой» [Там же], «субстанциональную необходимость» [Там же] ее бытийствования.

Сталинизм произвел определенное сгущение бытия вокруг тоталитаризма как сущности советской истории, в результате чего его «субстанциональная необходи-

мость» превратилась в «необходимую возможность» (Хайдеггер) делания истории, чье «вихрение» создало в рамках этой необходимости определенную зону свободы. Очень часто в исторической литературе ее определяют как случившийся во время Оттепели «духовный подъем» общества. Мы бы назвали ее Оттепелью Оттепели. Это был своеобразный процесс превращения тоталитаризма из «мощной субстанции» (Гегель) советской истории в ее «истину», которая была всего лишь ответом истории на «зов бытия» (Сартр) освобожденной власти и освободившейся от пресса объективных условий социалистического строительства. Оттепель Оттепели – это не эхо тех громких исторических событий, которые произошли в советской истории в процессе ее переоткрытия. Она была особенным густком открытой сталинизмом в тоталитаризме свободы, ярким примером проявления которой было столкновение на художественной выставке в Манеже самодеятельности власти, возжелавшей в процессе выбора стать единственной истиной советской истории, с исторической самодеятельностью человека. Данный исторический феномен проявился в той «трещине бытия» (Сартр), которая в процессе Оттепели возникла между тоталитаризмом (сущностью) и сталинизмом (формой существования сущего). В ней развернулась нешуточная борьба за «истину» советской истории – непримиримая борьба между теми, кто «лакировал» действительность, и теми, кто ратовал за «искренность» в ее отражении и изменении.

Несмотря на то что данный способ рефлексии Оттепели, делания истории советской истории переоткрыл в ней выбор как способность быть, он так и оставил советскую историю непроницаемой для истории. Оттепель Оттепели, с одной стороны, исключила из нее все возможные возможности, с другой стороны, выделила среди них ту необходимую возможность ее исторического бытия (сталинизм), которая открыла для тоталитаризма новые горизонты бытийствования и развития. В дальнейшем, в процессе их новооткрытия, произошло конституирование «конечной возможности» (Хайдеггер) бытия тоталитаризма – возможности коммунизма.

«Индивидуальное приключение» сталинизма раскрыло неспособность тоталитаризма быть основанием своего бытия и его способность быть основанием лишь своего ничто. Тем самым оно засвидетельствовало его «поражение» (Сартр) в себе. Это «поражение объясняет расщелину» [4], которая есть между бытием и существованием сущности советской истории. Одновременно оно указывает на то, что тоталитаризм все еще способен взять реванш. Для этого ему необходимо лишь выйти из «круга» советской истории и понять свое бытие в «присутствии бытия» [4], которое «было бы его основанием как совпадение с собой» [Там же].

«Новооткрытие» советской истории – «абсолютное событие» ее истории

Оттепель – это не только «индивидуальное приключение» сталинизма, но и «абсолютное событие» (Сартр) истории советской истории. Отсылая себя «к усилию в-себе, чтобы основать себя» [4] в качестве самости и «держания-себя-свободным для изъятия» [5], она ничтожит свою историю из самой себя. Для всякой самости «быть собой – значит идти к себе» [4]. Во время Оттепели к себе идут советская история как целое и ее сущее. Вместе они образуют «абсолютное событие, которое происходит с бытием посредством бытия и которое, не имея бытия, постоянно поддерживается бытием» [Там же].

Оттепель – это не только раскрытие и переоткрытие, но и новооткрытие советской истории, «новоосвоение» (Хайдеггер) ее сущностью собственного бытия и бытия «своего в-мире» (Хайдеггер). В этом процессе «несовершенное бытие переводит себя к совершенному бытию; бытие, которое является лишь основанием своего ничто, возвышается к бытию, которое есть основание своего бытия» [4]. Основанием своего ничто в советской истории, о чем мы подробно говорили выше,

является тоталитаризм – «проект овладения этим миром и ценность, которая преследует для-себя» [4]. Во время Оттепели он возвышается к положительному бытию-в-мире советской истории, словно «сосубстанциальное единство пары» [Там же] – *единство новооткрытия самостоятельности власти* (проект овладения миром) и *социалистического строительства* (ценности, которая преследует для-себя). В результате их «новоосвоения» рождается «пустое бытие» (Гегель) тоталитаризма, которое, с одной стороны, представляет самостоятельность власти в качестве начала конца Оттепели, с другой стороны, превращает социалистическое строительство в полную и окончательную победу социализма – конец Оттепели как начала развития советской истории.

Тоталитаризм в качестве сосубстанционального единства пары, как «абсолютно непосредственное есть также и абсолютно опосредованное» [1]. Он опосредует себя «голым началом» (Гегель) развития целостности советской истории из нее самой. Для того чтобы скрыть свою наготу, данное начало пробуждает в себе «бытие и ничто; оно единство бытия и ничто, иначе говоря, оно есть небытие, которое есть в то же время бытие, и бытие, которое есть в то же время небытие» [Там же].

Оттепель является таким способом новооткрытия тоталитаризма в качестве сущности советской истории, который размыкает ее собственное бытие как небытие. С его помощью советская история отталкивается, отпадает от сущего и, тем самым, разрывает «онтологическую структуру круга» [5] своей самости. Она разжимает свое бытие, «ничтожится в для-себя, которое становится в качестве для-себя своим собственным основанием» [4] посредством избавления от сокрытий, в результате чего тоталитаризм оказывается на расстоянии от самого себя, становится «абсолютно изолированным в своем бытии посредством своей полной положительности» [Там же]. Во время Оттепели он приходит к себе и становится для-себя «через особое бытие» (Сартр) – через коммунизм как «позитивное бытие» (Сартр) собственного небытия.

Оттепель представляет собой своеобразный «взлом искажений» (Хайдеггер), «маленькие канканы небытия» [4], совокупность специфических способов декомпрессии «тройного небытия» (Сартр) тоталитаризма: его отказа от существования, распада на несуществующее бытие и существующее небытие, отбрасывания его небытия в существование «чистого бытия» как «чистого ничто» (Гегель). В результате отказа тоталитаризма от своего существования (полной и окончательной победы социализма) он превращается в «первое небытие» (Сартр) и «чистую фикцию» (Сартр) – в коммунистическое строительство. По мере его распада возникает «второе небытие» (Сартр), или «бытие чистой фикции» (Сартр). Оно включает в себе «два вида небытия» (Сартр): возможный положительный и отрицательный ответ на вопрос о существовании материально-технической базы коммунизма. Отпадая от бытия, «третье небытие» раскрывает «объективное существование небытия» [4]. Будучи «небытием ограничения» (Сартр), оно полагает бытие, которое «есть это и вне этого – *ничто*» [Там же]. Таким ничто является не коммунистическое строительство и материально-техническая база коммунизма, а коммунизм как ценность и цель.

При искажении «сокрытие может идти так далеко, что о нем забывают и вопрос о нем и его смысле выпадает» [5]. Так и произошло с тоталитаризмом во время «индивидуального приключения» сталинизма. Его будто бы забыли, хотя при этом смысл его никуда из истории не выпал. Путем «я-говорения» (Хайдеггер) в момент завершения Оттепели он с помощью определенных *интенций* напомнил о себе. В этой высшей точке самоопределения начала развития советской истории смысл тоталитаризма не просто вернулся к самому себе, но в полной мере воссоздал, казалось бы, навсегда утерянный потенциал своего бытия.

Всякая «интенция имеет в структуре постановку цели вне себя» [4]. Она «своим объединенным появлением ставит цель, выбирает себя и оценивает данное, исходя из цели» [Там же]. Тем самым она «оценивается в функции нечто, что еще не существует, а именно, в свете небытия проявляется бытие-в-себе» [Там же]. И только «интенциональный выбор цели открывает мир» [Там же].

У каждого вида небытия советской истории есть собственная интенция. «Простая интенция» (Сартр) показывает, каким образом происходит «свечение видимостью» «первого небытия» (здесь – коммунистическое строительство). Она «конституируется как пустая в той степени, в какой она полагает свою материю в качестве несуществующей или отсутствующей» [4]. Этой материей для коммунистического строительства была полная и окончательная победа социализма. Именно ее оно полагало в виде несуществующего и отсутствующего бытия. «Рефлексивная интенция» (Сартр) дает понимание того, как несуществующая материя (материально-техническая база коммунизма) становится объектом коммунистического строительства и почему «второе небытие» превращается в цель коммунистического строительства – в «еще-не-существующее» (Сартр) бытие. «Синтетическая интенция» (Сартр) советской истории или, другими словами, ее «глубокая интенция» (Сартр) раскрывает «третье небытие» (Сартр), то есть не отсутствующую материю и объект, а тот «положительный объект, который не имеет другого бытия, кроме своего ничто» [4]. Она раскрывает это ничто как «положительность» (Сартр), определяя, тем самым, коммунизм в качестве высшей ценности небытия советской истории.

Связь трех форм интенции есть не просто отрицание, или отрицание отрицания, но «разрыв с бытием» [4] советской истории, что делает это бытие, с одной стороны, «сознанием отрицания» [Там же], с другой стороны, коль скоро «этим разрывом является как раз ничто» [Там же], то оно оказывается всего лишь «отрицанием в качестве бытия» [Там же]. А это значит, о чем свидетельствует возникшая во времена Оттепели связь различных интенций советской истории, что она отрицает саму себя и свое отрицание, словно бытие ничто. И происходит это отрицание в форме выбора советской историей в качестве предельного основания своего существования тоталитаризма как ничто.

В процессе взлома искажений советской истории возникает проблема самостояния ее самости. Для того чтобы ее решить, сущее советской истории должно с помощью различных интенций подтвердить не просто наличие бытия, а тотальность своего «бытия-в-мире». Отправившись в «судьбоносный исторический путь» (Хайдеггер), тоталитаризм, будучи исторической самодеятельностью, достигает своей самости посредством особого выбора, который «есть выбор меня самого в мире и заодно открытие мира» [4]. В этом процессе, в отличие от избрания и намерения выбора, происходит его «размыкание» (Хайдеггер) в виде самостояния самости, или выбора самого выбора. Идя к самому себе, выбирая выбор в качестве способа своего бытия, тоталитаризм размыкает себя в качестве сущего советской истории, «высвобождает это сущее на его возможности» [Там же] и бытие-в-мире.

Выбор выбора есть «освобожденность для свободы избрания и выбора себя самого» [4] – есть «волочение за возможностями» (Хайдеггер), способ их размыкания в качестве горизонта его бытийствования. В этом процессе выбор ничтожит себя и «понимает себя из возможностей» [Там же] как ничтожение («выбрать себя – это значит ничтожить себя» [Там же]) «наследуемой возможности» (Хайдеггер) (социалистическое строительство), «преемственной возможности» (Хайдеггер) (самодеятельность власти), «избранной возможности» (Хайдеггер) (строительство социализма).

Во время Оттепели тоталитаризм не просто выбирает (понимает и ничтожит) себя, но и конституирует горизонт бытия своих возможностей. Именно там, на го-

ризонте, его бытие становится ничто. Размыкаясь в «модусе собственности» (Хайдеггер) и через это действие, он «вручается своему бытию» [5]. Но теперь уже не посредством «вглядывания в брошенность» [Там же], а путем «хищения» и «выговаривания себя» в специфической форме раскрытости и представленности себя себе в качестве ничто советской истории. Социалистическое строительство выговаривает себя как коммунистическое. Самодеятельность власти превращается в деятельность по созданию материально-технической базы коммунизма. Строительство социализма размыкается в строительство коммунизма.

Все так называемые осуществленные и задуманные Хрущевым реформы конца Оттепели были не чем иным, как попыткой тоталитаризма вернуть себе свою самость в качестве своего собственного бытия. Они должны были позволить более полно и эффективно раскрыть его самостояние в качестве специфической формы осуществления исторической самодеятельности. Планируемые и осуществляемые государственные (конституционная реформа), политические (реформа партийного аппарата), общественные (электоральная реформа) реформы должны были раскрыть новые возможности самодеятельности власти. В свою очередь, проводимые реформы в сфере социалистического строительства (отказ от мобилизационной модели развития, перенесение акцента на производство товаров из группы «Б», сокращение сроков и увеличение темпов социалистического строительства) должны были позволить выполнить его важнейшую задачу по созданию необходимых и достаточных условий для перехода в 1980 году к коммунизму. Естественное, или насильственное, прекращение всех этих реформ свидетельствовало о том, что тоталитаризм подвел советскую историю к «граничной ситуации» (Хайдеггер) ее бытия.

В процессе выбора тоталитаризм обретает в себе способность «быть самим собой, но собой в страстной, отрешившейся от иллюзий людей, фанатичной, в себе самой уверенной и ужасающей свободе к смерти» [5]. Он возвышает себя до коммунизма, превращая, тем самым, свою самость и способность быть, в особый способ бытия ничто – в «бытие к смерти» (Хайдеггер), которое находится в «сущностной взаимосвязи с засвидетельствованной собственной способностью-быть» [Там же] советской истории. Все, что с ней случилось во время Оттепели, было следствием раскрытия ее способности быть самой собой, иметь в качестве первичной опоры в самой себе тоталитаризм и разомкнуть его бытие в качестве ничто.

Оттепель имеет дело не со смертью советской истории, а только с бытием ничто, которое в результате столкновения «отдельного бытия» тоталитаризма с целостным бытием советской истории становится бытием к смерти. Став им, советская история «размыкает присутствию его самую свою способность быть» [5] – размыкает тоталитаризму его самость. В результате чего бытийная способность тоталитаризма «размыкает себя себе самому в плане своей крайней возможности» [Там же] – «возможности прямой невозможности» [Там же] советской истории быть. При этом «экзистенциально дедуцированное собственное бытие к смерти как собственная способность быть целым» [Там же] остается у нее как «чисто экзистенциальный набросок» (Хайдеггер), которому пока еще недостает «присутствия размерного засвидетельствования» (Хайдеггер). Действительно, такого рода засвидетельствования у нее пока еще нет, зато есть набросок, проект того, каким образом она как собственная целостность дедуцирует себя к смерти – проект строительства коммунизма. Он свидетельствует о том, что посредством Оттепели, очистив себя от различного рода сокрытий, произведя раскрытие, переоткрытие, новооткрытие своей самости, советская история смогла конец собственного становления превратить в начало своего развития – превратить «кругооборот самости» (Сартр) тоталитаризма в коммунизм как «экзистенциальный набросок» перехода из собственного «круга самости» (Сартр) в бытие к смерти. Все, что случилось с советской историей после

Оттепели, было не чем иным, как реализацией этого «проекта самообмана» (Сартр), в котором место коммунизма как конца ее становления началом собственного развития вновь занял социализм: во время Застоя – «развитой социализм» (Брежнев), в годы Перестройки – «демократический социализм» (Горбачев). Являясь сущностью советской истории, тоталитаризм с их помощью пытался создать для себя бытие, способное к возвращению в круг самости целостной советской истории и освобождению ее от вынесенного Оттепелью приговора к смерти (коммунизму). Сегодня он по-прежнему, но теперь уже с большей страстью и настойчивостью, более изощренно и скрытно, нежели это было в условиях Застоя и Перестройки, пытается решить стоящую перед ним, практически неразрешимую, задачу преодоления бытия к смерти, что с необходимостью приближает его и советскую историю к окончательному «умиранию» (Хайдеггер).

Список источников

1. Гегель Г. В. Ф. Сочинения : в 14 т. / Гегель ; под ред. А. Деборина и Д. Рязанова ; Институт К. Маркса и Ф. Энгельса. – Т. 5 : Наука логики : [т. 1, кн. 1-2] / пер. с нем. Б. Столпнера ; под ред. М. Б. Митина. – М. : Ленинград : Государственное социально-экономическое изд-во, 1937. – ХСІ, 715 с. – URL: https://royallib.com/read/gegel/fridrih/nauka_logiki.html#0 (дата обращения: 12.06.2022).

2. Лоскутов В. А. Идентичность истории – способы совпадения истории со своей «историей» // Восьмой Российский Философский Конгресс – «Философия в полицентричном мире». Секции (1) : сборник научных статей. – М. : Российское философское общество : Ин-т философии РАН : МГУ им. М. В. Ломоносова: Логос : Новые печатные технологии, 2020. – С. 1365–1367. – URL: https://iphras.ru/uplfile/root/congress/sektsii_1.pdf (дата обращения: 12.06.2022).

3. Лоскутов В. А. Марксистско-ленинская философия: жизнь после смерти // Марксизм в философии: судьбы мировоззрения : материалы научно-практической конференции, посвященной 100-летию юбилею М. Н. Руткевича и 90-летию И. Я. Лойфмана (Екатеринбург, 24–25 ноября 2017 г.) : сборник научных статей и тезисов / науч. ред. Н. В. Бряник. – Екатеринбург : Деловая книга, 2018. – С. 178–221.

4. Сартр Ж. П. Бытие и ничто: опыт феноменологической онтологии / пер. с фр. В. И. Колядко. – М. : АСТ, 2015. – 925 с. – URL: <https://e-libra.ru/read/193325-bytie-i-nichto-opyt-fenomenologicheskoy-ontologii.html> (дата обращения: 12.06.2022).

5. Хайдеггер М. Бытие и время / пер. с нем. В. В. Бибихина. – Харьков : Фолио, 2003. – 509 с. – URL: <https://www.litmir.me/br/?b=95901&p=1> (дата обращения: 12.06.2022).

Информация об авторе

Владимир Анатольевич Лоскутов, д-р филос. наук, профессор (Екатеринбург, Россия).

Information about the author

Vladimir A. Loskutov, D. Sci. (Philosophy), Professor (Yekaterinburg, Russia).

Статья поступила в редакцию | The article was submitted 24.07.2022.

Одобрена после рецензирования | Approved after reviewing 10.08.2022.